

«ВОСТОЧНО-ЗАПАДНАЯ» ПРОБЛЕМАТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ А.С.ПУШКИНА

Г.У. Соронкулов, кандидат педагогических наук

Первые интерпретации этого аспекта пушкинского творчества можно встретить в статьях В.Г.Белинского, П.А.Вяземского, Н.Н.Страхова. Но это были лишь отдельные, хотя и весьма пронизательные, оценки и замечания. Серьёзно же проблема «Пушкин и Восток» начала ставиться в трудах советских пушкинистов ещё в первой половине XX в. Но только в 60-е годы при изучении проблемы мирового значения Пушкина начинается постепенно преодолевается свойственный преждему литературоведению европоцентризм и набирает силу изучение этой проблемы пушкиноведения в трудах Н.М.Лобиковой, В.А.Мануйлова, М.К.Нурмухамедова, Л.А.Шеймана, Д.И.Белкина и других исследователей.

Четырёхлетнее пребывание на юге России значительно обогатило представления Пушкина об ориентальном мире. Произведения этого периода свидетельствуют не только об отходе поэта от романтических традиций, но и о переключении его интереса от одного региона к другому, связанного с более глубоким постижением Востока. Именно к этому времени относится формирование у него самобытной художественной концепции Востока¹.

Ориентальная концепция Пушкина по мере углубления в культуру Востока, конечно, претерпевала изменения. По утверждению Л.А.Шеймана, раскрывая, подобно наиболее компетентным специалистам-востоковедам, «культурную самооценку каждой из двух зон человеческой цивилизации», Пушкин в своих творческих поисках нащупывал и прокладывал пути, заметно отличные от тех, какими двигались в поэтическом освоении «восточно-западной» проблематики корифеи современной ему и позднейшей западноевропейской культуры².

Крупнейшие европейские романтики (Байрон, В.Гюго) трактовали Восток, во-первых, как арсенал новых, необычайно ярких, экзотических красок, во-вторых, они форсированно противопоставляли Восток Западу в нравственном плане – как мира не только ослепительной роскоши, но и стихии зла, кровожадности, насилия.

Несколько особняком в литературе этого времени стояла книга Гёте «Западно-восточный диван» (1819 г.). Главным для него было возвращение к древним, патриархальным духовным ценностям и опыт западно-восточного духовного синтеза.

Если Восток Гёте воссоздавал, по существу, лишь на литературной основе, дистанцированно от реального быта и актуальных конфликтов этого ареала, то для Пушкина Восток – «непосредственно-контактная встреча, лицом к лицу, с особым миром, ставящим человека Европы, его страну, его культуру – и лично его, Александра Пушкина – перед важнейшими, первоосновными <...> жизненными выборами. Перед вопросами, от решения которых зависит само существование личности и всего, что ей дорого. <...>

Авторская позиция Пушкина здесь, как и в других сферах его поэтического мира, уникальна. Он ставит читателя перед тайнами и загадками, противоречиями и вопросами, которые открывает ему действительность в проблематике встречи Запада с Востоком. Но сам он, за редкими исключениями, не даёт готового ответа на эти вопросы – в виде истины в последней инстанции. Он ищет ответа <...>. И он вовлекает читателя в этот трудный поиск»³.

Ориентальная концепция Пушкина как часть его художественной аксиологии развивалась на всём протяжении творческого пути поэта, включая в себя и метод, и объект изображения. По мысли Д.И.Белкина, она выражала стремление поэта к принципиально новому показу ориентального мира, тенденцию ко всё более полному охвату этого мира средствами поэзии.

Концепция Востока обрела своё художественное воплощение во

многих произведениях Пушкина. Д.И.Белкин считает, что знакомство с его художественной концепцией следует начинать, опираясь на две взаимно дополняющие друг друга позиции. Первая, которую следует признать основной: многолетнее внимание поэта к восточному миру, характер его художественного проникновения в пласты культуры народов Востока целесообразно рассматривать не суммарно (не в проблемном аспекте), а по регионам. Это открывает возможность полнее увидеть результаты творческого постижения Пушкиным содержания и форм конкретной ориентальной культуры.

Вторая позиция предполагает рассмотрение интереса русского поэта к Востоку в динамике, в эволюции художественной манеры изображения ориентального мира. Многочисленные замечания Пушкина о прошлом Востока, судьбе его народов и их поэзии, <...>, не должны соединяться механически. Его мыслям, как и художественному изображению ориентального мира, были присущи диалектическое единство и глубокая внутренняя связь.

Региональный метод исследования позволяет привлекать множество дополнительных материалов, которые при узкопроблемном рассмотрении могли бы остаться совершенно незатронутыми. <...> Для Пушкина оказывается характерным переключение творческого интереса с одного региона на другой, но уже на более высокой ступени постижения ориенталь-

ного мира. Знакомство Пушкина с поэзией многих народов и даже её изучение завершалось всякий раз, говоря его словами, созданием «своего образца». Когда в духовном наследии Востока перед русским стихотворцем открывались «новые миры» и возникало желание вступить в творческий спор и предложить «свой образец», он стремился быть художественно и исторически точным. Именно поэтому ориентальная лирика Пушкина бережно сохраняет в русском контексте свою «национальную физиономию»⁴.

Во «всеобъемлемости и гармоничности» поэтического гения заключается «чудо Пушкина», его «протеизм», удивительная способность, оставаясь национальным русским поэтом, с одинаковой лёгкостью и в то же время глубиной проникать в мир Запада и в мир Востока.

Наиболее полно и последовательно развитие темы Востока, зарождение и совершенствование западно-восточного синтеза в поэзии Пушкина представлено в исследованиях И.С.Брагинского.

«Среднеазиатские аспекты» творчества Пушкина, «среднеазиатские интересы» великого русского поэта стали предметом исследований видного каракалпакского ученого М.К.Нурмухамедова (1930–1986). Отвечая на вопрос, что дала Пушкину для пополнения «его знаний о Средней Азии» поездка в Оренбургскую губернию, автор утверждает: «Пушкин не был в Средней Азии, но он был

у её ворот. И если Петербург был окном в Европу, то Оренбург был окном в степь, Среднюю Азию, Сибирь, и Пушкин многое увидел через это восточное окно»⁵.

Восстановлению некоторых страниц истории русско-киргизских литературных связей, связанных с именем великого русского поэта, посвятил свою книгу «Пушкин и киргизы» (1963 г.) Л.А.Шейман. Он отмечал, что при работе над «Историей Пугачёва» Пушкин широко использовал материалы известного учёного-востоковеда Никиты Яковлевича Бичурина.

Внимание Пушкина здесь привлёк трагический эпизод сравнительно недавней для него истории (1771 г.), в котором драматически сплелись судьбы «торгоутов» (калмыков) и «кэргызцев» (кыргызов).

Русского поэта этот исторический эпизод заинтересовал вначале как повод к возмущению яицких казаков, часть которых отказалась преследовать волжских калмыков, покинувших свои кочевья, не выдержав гнёта царских сатрапов, и потянувшихся по киргизской степи в Китай. Правительство двинуло против уральцев-ослушников войска с пушками. Вспыхнул бунт, ставший прологом к пугачевскому восстанию.

Картина социального гнёта под пером русского поэта стала и картиной гнёта национального. Такова, по мысли Л.А.Шеймана, «главная причина, вызвавшая исключительное внимание Пушкина к

событиям 1771 года и позволившая впервые вывести «кэргызцев-бурутов», т.е. коренных киргизов, на страницы русской классической литературы»⁶.

Но размышления поэта о судьбах казахов, киргизов и калмыков продолжались и после завершения работы над «Историей Пугачёва». Он уверен, что в будущем не будет вражды между ними. Именно поэтому в черновике стихотворения «Памятник», перечисляя народы, до которых дойдёт его поэтическое слово, Пушкин рядом с калмыком поставил и «киргизца».

Великий поэт, ещё в то время когда российское востоковедение только начинало делать первые шаги, сумел внести важный вклад в научное и подлинно гуманистическое освещение жизни и истории киргизов, организовав «публикацию первой отечественной научной работы, специально посвящённой отличию казахов от киргизов, а тем самым подготовил и выход в свет фундаментального труда А.И.Лёвшина, положившего начало русскому классическому киргизоведению.

Именно он, первый из корифеев великой русской литературы, продолжая исследования П.И.Рычкова, В.Н.Татищева и других авторов XVIII в., указал на условность наименования казахов «киргизами» («киргиз-кайсаками»). Изучение творческой лаборатории поэта-историка позволяет обнаружить документы о подлинных киргизах, сохраняющие и сегодня своё научное значение <...>.

Всё это позволяет по праву поставить имя Пушкина у истоков русско-киргизских литературных и культурных связей»⁷.

В следующей книге «Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина» (1996, 1997, 2004 гг.), написанной совместно с автором данной статьи, Л.А.Шейман продолжает и углубляет проблематику исследований более чем тридцатилетней давности. В частности, ему удалось выяснить, что много сведений о подлинных кыргызах Пушкин извлёк из журнала «Сибирский Вестник», уделявшего много внимания освещению быта и нравов восточных народов России.

Изучение этого журнала укрепило представление Пушкина о научной и общественной значимости казахско-кыргызской тематики в условиях 20-х годов XIX в., подготовило его к высокой оценке научных трудов своего одесского знакомого А.И.Лёвшина – фактического основоположника российского казахо- и кыргызоведения. Это чтение и могло ввести «поэта в проблематику, связанную с этнонимом «каменных», Тянь-Шанских кыргызов и с версиями об их исторических миграциях»⁸.

Благодаря многолетним изысканиям Л.А.Шеймана, окончательно установлен и принят крупнейшими пушкинистами тот факт, что именно Пушкин в конце января 1827 г. заказал А.И.Лёвшину через В.И.Туманского статью. Этот материал «Об имени Киргиз-Казахского народа и отличии его от

подлинных, или диких Киргизов» только что учреждённого журнала был опубликован в первом номере «Московский вестник».

ПРИМЕЧАНИЯ
(Endnotes)

- 1 Белкин Д.И. Индийские мотивы в творчестве А.С. Пушкина // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 86.
- 2 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток – Запад: очерки / Под общ. ред. Л.А.Шеймана. Бишкек, 2000. С. 418.
- 3 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток – Запад: очерки / Под общ. ред. Л.А.Шеймана. Б, 2000. С. 429–421, 423.
- 4 Белкин Д.И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 98.
- 5 Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. Ташкент: Фан, 1984. С. 13.
- 6 Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1963. С. 67.
- 7 Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1963. С. 70–71.
- 8 Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Киргизы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина. Бишкек: Фонд «Сорос–Кыргызстан»–Фирма «Айбек», 1996. С. 16.

Сведения об авторе: Соронкулов Гульжигит Умарович, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка и литературы им. Ч.Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, e-mail: soronkulov52@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о возникновении интереса А.С.Пушкина к восточной тематике, впоследствии переросшей в ориентальную концепцию русского поэта, которая обрела своё художественное воплощение во многих произведениях Пушкина. Концепция Востока, как часть его художественной аксиологии, развивалась на всём протяжении творческого пути поэта, включая в себя и метод, и объект изображения.

Ключевые слова: ориентальная концепция, художественная концепция Востока, западно-восточный духовный синтез, аксиология, протеизм.

Abstract: The article discusses the question of the origin of Pushkin's interest in the Eastern theme, which later developed into an oriental concept of the Russian poet, which found its artistic embodiment in many works of Pushkin. The concept of the East, as part of his artistic axiology, developed throughout the creative path of the poet, including both the method and the object of the image.

Keywords: Oriental concept, artistic concept of the East, Western-Eastern spiritual synthesis, axiology, Proteism.